

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков

1

Что имеется в виду? Дело в том, что в некоторых случаях жизнь – это всего лишь ассистент режиссера. Сегодня мы пойдем в кинематограф. Назад, в тридцатые, и дальше, в двадцатые, и за угол, в старое европейское синема. Она была знаменитой певицей. Не в «Кармен», даже не в «Сельской чести», нечто совсем из другой оперы. La Slavka – так прозвали ее французы. Манера исполнения: на одну десятую цыганская, на одну седьмую русская народная (изначально она крестьянской девушкой и была) и на пять девятых популярная – под популярной я подразумеваю смесь искусственного фольклора, военной мелодрамы и официального патриотизма. Остаток дробы кажется достаточным, чтобы услышать пошлую роскошь ее феноменального голоса.

Явившийся из центральной России, этот голос затем достиг больших городов – Москвы, Петербурга и пленил царское окружение, где такая разновидность стиля была в большой цене. В гримерной Шаляпина висела ее фотография: кокошник с жемчугами, рука, подпирающая щеку, ослепительные зубы меж пухлых губ и размашистый, неуклюжий росчерк наискосок «Тебе, Федюша». Пушистые звезды, каждая, прежде чем подтаять с края, выставляла напоказ сложную симметрию, бесшумно оседали на плечи, рукава, усы и шапки стоявших в очереди перед кассой. До самой смерти она больше всего дорожила или притворялась, что дорожит, аляповатым медальоном и огромной брошью, пожалованными ей императрицей. То были изделия ювелирной фирмы, преуспевшей не без помощи подарков царской семье – к каждому празднику в виде того или иного символа грузного самодержавия: громадный аметист с утыканной рубинами бронзовой тройкой, застрявшей наверху, как Ноев ковчег на горе Арарат, или хрустальная сфера размером с дыню, увенчанная золотым орлом с гипнотическими бриллиантовыми глазами, очень похожими на распутинские (много лет спустя некоторые из наименее эмблематичных выставались на всемирной выставке Советами как образцы их собственного процветающего искусства).

Если бы все шло своим чередом, она, возможно, и сегодня пела бы в хорошо отапливаемом зале Дворянского собрания или в Царском Селе, а я бы выключал репродуктор с ее голосом в своем церковном приходе, затерявшемся в каком-нибудь глухом уголке Сибири-мачехи. Но рок повернул не туда: произошла революция, за которой последовала война красных и белых, и ее мелкая крестьянская душа выбрала более выгодную сторону.

Призрачные полчища казаков на призрачных лошадях скажут поверх мелькающих титров и фамилии ассистента режиссера. А затем проворный генерал Голубков лениво разглядывает поле брани в военный бинокль. Когда и мы, и фильмы были молоды, нам показывали это в четком обрамлении двух соприкасающихся окружностей. Теперь так не делают. Далее мы видим того же генерала Голубкова, но лень как рукой сняло, он вскакивает в седло, вырастает до небес на своем вздыбленном коне и бросается в безумную атаку. Но тут происходит непредвиденное в красной части спектра: вместо тра-та-та условного рефлекса пулемета женский голос поет на заднем плане. Все ближе и ближе и, наконец, все заглушающий. Роскошное контральто, исполняющее то, что музыкальный редактор нашел в картотеке русских мелодий. Кто командует красными? Женщина. Поющая душа этого, хорошо обученного полка. Шагая впереди, топчя люцерну и разливаясь Волгой-Волгой. Лихой и проворный джигит Голубков (теперь мы понимаем, что он там хотел разглядеть), хотя и весь израненный, ухитряется подхватить ее на скаку и, несмотря на отчаянное сопротивление, уносит прочь.

Как ни странно, гнусный сюжет имел место в реальности. Я сам знал по крайней мере двух надежных свидетелей этого происшествия, и летописцы тех лет его не оспаривают. Очень скоро мы находим ее сводящей с ума офицерскую столовую своей чернобровой, пышногрудой красотой и необузданными, дикими песнями. Она была, перефразируя Китса, *La belle Dame, no ne sans, a avec Merci*, [1] и в ней была энергия, которой недоставало Луизе фон Ленц или Зеленой Леди. И она скрашивала повсеместное отступление белых, начавшееся вскоре после ее фантастического появления в стане Голубкова. Нам показывают мрачные кадры с вóронами, ворóнами или теми птицами, что оказались под рукой, кружащими в сумерках и медленно садящимися на равнину, усеянную трупами, где-нибудь в округе Вентура, штат Калифорния. Мертвая рука белого офицера сжимает медальон с портретом матери.

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Рядом у красноармейца на развороченной груди – письмо из дома с лицом той же старой женщины, проступающим сквозь тающие строчки.

А затем, по заведенному контрасту, уместно звучит мощный песенный порыв с ритмическим прихлопыванием в ладони и топотом сапог, – перед нами штаб генерала Голубкова во время попойки: знойные грузинские пляски с кинжалом в зубах и исполненный достоинства самовар, отражающий искаженные им лица: Славска, запрокидывающая с грудным смехом голову назад, и полковой толстяк, чудовищно пьяный, воротничок расстегнут, жирные губы сложены для зверского поцелуя, весь перегнулся через стол (крупный план опрокинутого бокала), чтобы обнять пустоту, поскольку проворный и абсолютно трезвый Голубков ловко отстранил ее, и теперь, когда оба они стоят лицом к пьющим, говорит холодным, ясным голосом: «Господа, я хочу представить вам свою невесту» – и в ошеломленной тишине, воцарившейся затем, шальная пуля снаружи вдруг разбивает посиневшее на восходе солнца оконное стекло, после чего гром аплодисментов приветствует славную чету.

И все-таки мы не уверены, что ее пленение было безусловно счастливым событием. Неопределенность в кино запрещена. И нет сомнений по тому поводу, что с начала Большого бегства эти двое, подобно многим другим, прошли от Сиркеджи до Мотштрассе и рю Вожирар и, поженившись, стали одной командой, одной песней, одним шифром. Совершенно естественно он был принят в члены Российского общевоинского союза (РОВС), разъезжая по Европе, создавая военные курсы для русских молодых людей, организуя благотворительные концерты, рыскал по баракам для бедных, улаживал местные конфликты – и все это самым тактичным образом. Полагаю, что в некотором роде этот РОВС был полезен. К сожалению, в ущерб своей моральной репутации союз никак не мог отмежеваться от монархических групп за границей и не чувствовал, в отличие от эмигрантской интеллигенции, их дикой пошлости, смехотворности и родственности гитлеризму. Когда доброжелательные американцы спрашивают меня, знаком ли я с очаровательным полковником таким-то или обворожительным старым графом разэтаким, у меня не хватает мужества поведать им жалкую правду.

Но была еще одна человеческая разновидность, связанная с РОВСом. Я говорю о романтических душах, помогавших делу тем, что пересекали границу через какой-нибудь занесенный снегом еловый лес, чтобы скитаться по родной земле под разными личинами, изобретенными, как ни странно, революционерами минувших дней, тихо принося назад в маленькое парижское кафе под названием «Ешь бублики» или берлинскую забегаловку без названия некоторые полезные сведения, которые шпионы доставляют своим хозяевам. Кое-кто из этих людей настолько запутался в разведывательных службах сразу нескольких государств, что испуганно вздрагивал, если подходили сзади и дотрагивались до плеча. Некоторые занялись шпионажем для развлечения. Один или двое и правда верили, что каким-то мистическим образом они готовят воскрешение святого, хотя и несколько замшелого прошлого.

2

Сейчас перед нами развернется череда пугающе однородных событий. Первый, безвременно почивший председатель РОВСа и, пожалуй, лучший из них был лидером всего Белого движения; однако некоторые темные обстоятельства, сопровождавшие его внезапную болезнь, наводили на мысль об отравлении. Следующий председатель, рослый, дородный господин с громоподобным голосом и головой как пушечное ядро, был похищен неизвестными лицами; есть основания считать, что он умер от передозировки хлороформа. Третий председатель... но катушка с киноплёнкой крутится слишком быстро. В действительности потребовалось лет семь, чтобы устранить первых двух, и не потому, что такого рода предприятие нельзя повернуть скорей, а потому, что приходилось иметь в виду определенные сроки, чтобы привести в соответствие становление одной карьеры с открытием внезапных вакансий. Позвольте объяснить.

Голубков был не только весьма изворотливым шпионом (тройным агентом), но также чрезвычайно честолюбивым малым. Почему мечта о председательстве в организации, уже стоявшей, казалось, одной ногой в могиле, была так дорога ему – загадка лишь для того, кто не знает ни увлечений, ни страстей. Он стремился к этому всей душой – вот и все. Менее понятна его вера в возможность уцелеть при столкновении двух враждующих сторон, чьи опасные деньги и помощь он получал. Сейчас мне потребуется все ваше внимание, поскольку будет досадно упустить некоторые тонкости ситуации.

Советы не могли быть смущены маловероятной перспективой того, что призрачная

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Белая армия когда-либо сможет возобновить военные действия против них, но они были весьма раздражены тем, что информация об их заводах и базах, собранная неуловимыми агентами РОВСа, автоматически попадает в благодарные немецкие руки. Немцы мало интересовались разнообразием цветовых оттенков эмигрантской политики, но их выводил из себя упрямый патриотизм председателя РОВСа, то и дело перекрывавшего по этическим соображениям поток дружелюбного сотрудничества.

Таким образом, генерал Голубков, казалось, был им послан свыше. Советы твердо рассчитывали на то, что при нем все шпионы РОВСа будут выявлены и хитроумно снабжены дезинформацией для немецкого пользования. А немцы были уверены, что с его помощью они смогут внедрить своих осведомителей в ряды обычных агентов РОВСа. Ни одна из сторон не питала иллюзий насчет благонадежности Голубкова, но каждая полагала, что обратит себе на пользу колебания двойного надувательства. Представления простых русских людей в изгнании, обычных семей в глухих уголках эмиграции, занятых скромным, но честным трудом, как они работали бы в Саратове или Твери, воспитывавших бледных детей и наивно веривших, что РОВС – это нечто вроде Круглого стола короля Артура, олицетворение всего, что было и будет милого, достойного и прочного в сказочной России, – представления эти могут показаться кинокритику лишним наростом на главной теме.

При основании организации кандидатура Голубкова (чисто теоретически, разумеется, поскольку никто не ждал смерти ее лидера) находилась в самом низу списка, не потому, что его легендарная доблесть недостаточно ценилась другими офицерами, а потому, что был он самым молодым генералом в армии. К моменту выборов следующего председателя Голубков уже продемонстрировал такие организаторские способности, что мог спокойно вычеркнуть немало промежуточных имен в списке, пощадив заодно и жизни их носителей. После того как второго генерала убрали, многие из членов РОВСа были убеждены, что генерал Федченко, следующий претендент, откажется в пользу более молодого и расторопного кандидата от места, на которое он, Федченко, в силу своей репутации, возраста и ученых степеней имел полное право. Доблестный муж, презиравший в душе это свое право, счел, однако, трусостью уклонение от работы, за которую уже двое заплатили жизнью. И так, Голубков стиснул зубы и снова принялся за свой подкоп.

Внешне был он непривлекателен. Ничего в нем не наблюдалось от эдакого классического русского генерала, ничего славного, крепко сбитого, пучеглазого, тяжеловыного. Он был тощим, худосочным, с заостренными чертами, подбритыми усиками и стрижкой, которую русские называют ежиком: короткой, жесткой, прямой и компактной. Тонкий серебряный браслет свисал с его волосатого запястья, когда он предлагал вам русские папиросы или английские, с привкусом чернослива, кэпстенки, как он называл их, удобно уложенные в старом вместительном портсигаре из черной кожи, сопровождавшем его в предположительном дыму бесчисленных сражений. Чрезвычайно обходителен и крайне незаметен.

Когда Славка «принимала», что происходило в гостиных разных меценатов (некий прибалтийский барон, или доктор Бахрах, чья первая жена была знаменита в роли Кармен, или русский купец старой закалки, отменно развлекавшийся в охваченном инфляцией Берлине, скупая недвижимость целыми кварталами по десять фунтов стерлингов за дом), ее немногословный муж незаметно прокладывал себе дорогу в толпе гостей, принося вам бутерброд с сарделькой и огурцом или маленькую, бледную от мороза стопку водки; и пока Славка пела (на таких неофициальных приемах пела она сидя, подперев щеку кулаком, обхватив кистью левой руки локоть правой), он стоял поодаль, прислонясь к чему-нибудь, или шел на цыпочках к недосыгаемой пепельнице, которую затем тихо ставил на толстый подлокотник вашего кресла.

С художественной точки зрения он, мне кажется, перебарщивал в своем смирении, невольно копируя повадку наемного лакея, что теперь представляется отнюдь не случайным; конечно же, он пытался построить свое существование на принципе контраста и получал несказанное удовольствие, когда по определенным сладким признакам: склоненной голове, скошенному взгляду – угадывал, что имярек в противоположном конце комнаты обращал внимание незнакомца на тот любопытный факт, что такой невыразительный, скромный человек – герой невероятных ратных подвигов (брал в одиночку города и т. п.).

3

Немецкие киностудии, что росли в те годы как ядовитые грибы (перед тем как бегущая фотография научилась говорить), находили дешевую рабочую силу среди

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru русских эмигрантов, чьей единственной надеждой и профессией было их прошлое, то есть подбирали горстку абсолютно нереальных людей для изображения «реальной» публики на экране. Встреча этих двух химер производила на чувствительную душу впечатление жизни в комнате зеркал или, точнее, в тюрьме зеркал, и тут исчезало понимание, где вы, а где отражение.

Действительно, когда вспоминаю залы, где пела Славска, как в Берлине, так и в Париже, и людей, собиравшихся там, мне кажется, будто расцветчиваю и озвучиваю очень старую кинокартину, где жизнь – это мелкая дрожь, а похороны – мышинная беготня, и только море подкрашено тошнотворной синькой, а некая театральная машина имитирует за сценой шипение и асинхронный прибор. Какая-то сомнительная личность, потрошитель благотворительных организаций, плешивый человечек с безумными глазами, медленно проплывает перед моим взором – с ногами, согнутыми в сидячем положении, как у пожилого эмбриона, и затем чудесным образом оказывается в кресле заднего ряда. Уже упомянутый нами граф тоже здесь, в стоячем воротничке и засаленных гетрах. Благообразный и в то же время светский батюшка с крестом, мерно болтающимся на широкой груди, устраивается в первом ряду, уставясь на сцену.

Повестка дня этих правых сборищ, ассоциирующихся у меня с именем Славски, столь же ирреальна, что и ее аудитория. Никого бы здесь не удивил балаганный персонаж с псевдославянским псевдонимом, балалаечный виртуоз, заполняющий паузы между концертными номерами; аляповатый узор на его усыпанном стекляшками инструменте и небесно-голубые штаны – все было бы кстати. Затем какой-нибудь старый нахал с бородой, в поношенном фраке, бывший член черной сотни, взял бы слово и живописал урон, причиненный сынами израилевыми и масонами (две тайные семитские ветви) русскому народу.

«А теперь, дамы и господа, мы имеем честь и удовольствие...» И тут появлялась она на чудовищном фоне из пальм и национальных флагов, бледным языком облизывая обильно накрашенные губы и праздно прижимая руки в лайковых перчатках к затянутому в корсет животу, пока ее неизменный аккомпаниатор – мраморнолицый Осип Левинский, следовавший за ней в тени ее песен и в домашний концертный зал государя, и в салон товарища Луначарского, и в грязные притоны Константинополя, извлекал из рояля несколько вступительных нот.

Иногда, если обстановка к тому располагала, она исполняла «Боже, царя храни», прежде чем перейти к своему скудному, но всегда желанному репертуару. В нем непременно присутствовала унылая песня «По старой калужской дороге» (с расщепленной молнией сосной на сорок девятой версте), и та, что в немецком переводе, напечатанном под русским текстом, начинается фразой *Du bist im Schnee begraben, mein Rußland*, [2] и старинная народная баллада, сочиненная профессиональным автором в восьмидесятые годы, об удалом атамане и его пригожей персидской княжне, брошенной им в волжскую волну, как только дружки обвинили жоака в мягкотелости.

Вкуса никакого, техника доморощенная, манера исполнения чудовищная; но те, для кого чувство непредставимо без музыкального сопровождения, кого только песня и погружает в прошлое, в феноменальной звучности ее голоса находили утешение для своей ностальгии и обездоленного патриотизма. Считалось, что она особенно выразительна, когда тень необузданной безжалостности звенела в ее пенье. Когда бы этот порыв использовался ею не так беззастенчиво, он все же мог бы уберечь ее от безнадежной вульгарности. Казалось, маленький жесткий предмет, заменявший ей душу, выпирал из ее пенья, и самое большее, на что был способен ее темперамент, – это спровоцировать в сердцах завихрение, а не свободный вихрь. Когда сегодня в каком-нибудь русском доме заводят патефон и я слышу ее контральто, летящее с пластинки, я вспоминаю с дрожью ту имитацию страсти, посредством которой она достигала требуемого крещендо: анатомия рта выставлена напоказ в финальном исступленном вопле, иссиня-черные волосы вьются, а сложенные на груди руки прижаты к медальону на бархатной ленте; пока она внимала приливу аплодисментов, ее широкое смуглое тело, остававшееся скованным даже при поклонах, казалось засунутым в прочный серебряный атлас, который делал ее похожей на снежную бабу или добропорядочную русалку.

4

Затем вы увидите ее (если цензура не сочтет нижеследующее надругательством над благочестием) на коленях в медовой дымке многолюдной русской церкви, самозабвенно рыдающую бок о бок с женой или вдовой (ей было лучше знать, с кем

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru именно) генерала с громоподобным голосом и головой как пушечное ядро, чье похищение было так искусно спланировано ее мужем и так ловко исполнено крепкими, безмянными молодцами, откомандированными начальством в Париж.

Она предстанет еще раз перед вами, двумя или тремя годами позже, поющей в неких апартаментах на rue George Sand в окружении восхищенных поклонников, и смотрите: ее глаза слегка щурятся и сценическая улыбка блекнет, пока ее муж, которого задержали окончательные детали предстоящей операции, тихо входит и мягким жестом пресекает попытку седовласого полковника уступить ему место; и поверх машинально льющейся песни, исполняемой в десятитысячный раз, она всматривается в него (слегка близорука, как Анна Каренина), пытаюсь прочесть какой-нибудь определенный знак на его лице, и затем, когда она тонет, а его расписные челны уплывают и последние выразительные круги расходятся по поверхности (Волга, под Самарой) унылой вечности (ибо ее песенка уже спета), муж подходит к ней и говорит голосом, которого никакими аплодисментами не заглушить: «Маша, дерево будут валить завтра!»

Эта фраза была единственной рискованной выходкой, которую Голубков позволил себе на протяжении всей голубино-серой карьеры. Мы поймем эту неосторожность, если вспомним, что речь шла о последнем препятствии, стоявшем у него на дороге, и события следующего дня должны были автоматически привести к избранию его председателем. Впоследствии в кругу их знакомых ходила шутка (русский юмор – птичка-невеличка, довольствующаяся и крошкой) о забавной маленькой ссоре между двумя этими взрослыми детьми: она капризно требует свалить большой старый тополь, заслонивший окно ее комнаты в их летнем загородном доме, а он говорит, что кряжистый старый воин был самым зеленым ее поклонником (уморительно, не правда ли?), можно было бы его и пощадить. Обратите внимание на озорную игривость нашей пышнотелой дамы в горностаевой шляпке, когда она уговаривает своего генерала поступить решительно, ее лучезарную улыбку и протянутые к нему холодные, как студень, руки.

Ранним вечером следующего дня генерал Голубков сопровождал жену к портнихе, сидел там какое-то время, читая Paris-Soir, а затем был отослан ею за платьем, которое она хотела расставить, но забыла принести. Спустя некоторое время она несколько раз старательно имитировала телефонные звонки домой и многословно руководила его поисками. Портниха, пожилая армянка, и швея, юная княжна Туманова, очень забавлялись в соседней комнате, дивясь разнообразию простонародных ее ругательств (словечки, помогавшие ей не замолкать там, где воображение отказывалось прийти ей на помощь). Это доморощенное, шитое белыми нитками алиби не предназначалось для перелицовки прошлого на случай, если бы что-то пошло не так, ибо не так ничто пойти не могло; оно лишь призвано было обеспечить господина, которого никому и в голову не пришло бы заподозрить, будничным отчетом о его времяпрепровождении, если пожелаю узнать, когда он в последний раз видел генерала Федченко. После того как достаточное количество воображаемых шкафов было перерыто, Голубкова видели вернувшимся с платьем, которое заранее, конечно же, было припрятано в автомобиле. Он опять уткнулся в газету, а его жена продолжала примерять наряды.

5

Тех тридцати пяти минут, что он отсутствовал, ему вполне хватило. К тому времени как она начала свой разговор с молчащей трубкой, он уже подобрал председателя на тихом перекрестке и повез его на мнимую встречу, цели которой были сформулированы так, что ее секретность казалась естественной, а явка обязательной. Через несколько минут он остановил машину, и они вышли. «Это не та улица», – сказал генерал Федченко. «Да, – сказал Голубков, – но тут удобно поставить машину. Не следует оставлять ее перед кафе. Мы срежем угол через этот переулок. Здесь две минуты ходу». – «Хорошо, я согласен», – сказал старик и закашлялся.

В том районе Парижа улицы носят имена философов, и улочка, по которой они шли, была названа неким эрудитом из муниципалитета rue Pierre Labime. Она тихо вела вас мимо сумрачной церкви и строительных лесов в смутный квартал частных домов с запертыми ставнями, домов, утопленных в маленькие скверики за чугунными перилами, на которых отдыхали опавшие кленовые листья в своем перелете между голыми ветвями и мокрой мостовой. По левой стороне улочки тянулась длинная стена с кирпичной крестословицей, проступавшей тут и там на грубом сером фоне; в стене притаилась маленькая зеленая дверь.

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Когда они поровнялись с ней, Голубков достал свой издавший виды портсигар и остановился закурить. Некурящий генерал Федченко из вежливости тоже придержал шаг. Налетел порыв ветра, и первая спичка погасла. «Я все же считаю.. – пробормотал генерал Федченко, возвращаясь к теме, которую они до того обсуждали, – я все же считаю (чтобы сказать что-нибудь, пока они стояли рядом с той зеленой дверью), что если отец Федор настаивает на оплате квартиры из своих средств, то мы по крайней мере можем заплатить за отопление». Вторая спичка тоже погасла. Спина далекого прохожего наконец растаяла в осенних сумерках. Генерал Голубков во весь голос обругал ветер, и поскольку это был условный сигнал, зеленая дверь распахнулась – и три пары рук с невероятной сноровкой втащили старика внутрь. Дверь захлопнулась. Генерал Голубков зажег папиросу и быстро зашагал в ту сторону, откуда пришел.

Старик исчез навсегда. Тихие иностранцы, снимавшие неприметный дом на один месяц, оказались невинными голландцами или датчанами. Какая-то чертовщина. И не было зеленой двери, есть только серая, которую никакими силами не открыть. Я честно рылся в добротных энциклопедиях – нет философа по имени Пьер Лабим.

Но мне удалось заглянуть гадине в глаза. Существует старая поговорка: всего двое и есть – смерть да совесть. Замечательная человеческая особенность: можно не знать, что поступаешь хорошо, но нельзя не знать, что поступаешь плохо. Страшный преступник, чья жена была еще страшнее его, однажды, во времена моего пребывания в церковном сане, признался мне, что больше всего его мучил внутренний стыд быть пристыженным еще большим стыдом, не позволявшим ему спросить у нее, не презирает ли она его в глубине души или втайне не задается ли тем же вопросом: не презирает ли он ее, тоже в глубине души. Вот почему мне более или менее известно выражение лиц Голубкова и его жены, когда они, наконец, остались наедине.

6

Однако ненадолго. Около десяти вечера генерал Л., секретарь РОВСа, узнал от генерала Р., что госпожа Федченко крайне обеспокоена непонятым отсутствием мужа. И тогда генерал Л. вспомнил, что перед обедом председатель сказал ему мимоходом (такова была манера старого джентльмена), что у него в городе, ранним вечером, есть одно дельце, и если он не вернется к восьми, пусть Л. прочтет записку, оставленную для него в среднем ящике стола. Генералы Л. и Р. помчались в штаб-квартиру, спохватились, бросились обратно за ключами, забытыми Л. дома, снова помчались в штаб и, наконец, достали записку. В ней говорилось: «Не могу избавиться от странного чувства, за которое, возможно, мне будет впоследствии стыдно. У меня назначена встреча на 17.30 в кафе на rue Descartes, 45. С перебежчиком с той стороны. Подозреваю ловушку. Все дело организовано генералом Голубковым, который доставит меня туда в своем авто».

Опустим, что сказал генерал Л. и что генерал Р. ответил, но, судя по всему, они были тугодумами и потеряли еще какое-то время на бестолковый телефонный разговор с удивленным хозяином кафе. Было около полуночи, когда Славска, кутаясь в цветастый халат и стараясь выглядеть заспанной, впустила их. Она не хотела беспокоить мужа, который, по ее словам, уже спал. В чем дело и что могло случиться с генералом Федченко? «Он исчез», – сказал простодушный генерал Л. Славска вскрикнула «Ах!» и хлопнулась в глубокий обморок поперек прихожей. Слишком театрально, чтобы утверждать, что эстрадные подмости так уж много потеряли вместе с ней, вопреки мнению ее поклонников.

Тем не менее у наших генералов хватило ума ничего не сказать Голубкову о маленькой записке, так что на пути в штаб-квартиру у него сложилось впечатление, что с ним хотят обсудить, сразу ли звонить в полицию или сначала обратиться за советом к восьмидесятивосьмилетнему адмиралу Громобоеву, по непонятной причине слышшему Соломоном РОВСа.

– Что бы это значило? – сказал генерал Л., предъявляя Голубкову роковую записку.
– Прочтите.

Голубков прочел и понял, что все потеряно. Мы не будем заглядывать в бездну его чувств. Он отдал записку, пожав худыми плечами.

– Если это написано председателем, – сказал он, – а почерк, кажется, не оставляет сомнений, тогда могу сказать только одно, что меня кто-то разыгрывает. Однако, я думаю, адмирал Громобоев может снять с меня подозрения. Предлагаю

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
сейчас же отправиться к нему.

– Да, – сказал генерал Л., – идем к нему, хотя и поздно.

Генерал Голубков накинул плащ и вышел первым. Генерал Р. помог найти генералу Л. шарф, который наполовину соскользнул с одного из тех стульев в прихожей, что обречены служить вещам, а не людям. Генерал Л. вздохнул и надел старую фетровую шляпу, использовав обе руки для этого несложного действия. Направился к двери.

– Одну минуту, генерал, – сказал Р., понизив голос. – Хочу вас спросить, как офицер офицера, вы абсолютно уверены... э-э... что генерал Голубков говорит правду?

– Это мы сейчас выясним, – ответил генерал Л., принадлежавший к тем людям, которые уверены, что всякая их фраза имеет смысл.

Они слегка задели друг друга в дверях локтями. Наконец, тот из них, что был чуть постарше, согласился с привилегией и вышел первым. Затем оба замерли на площадке, поскольку на лестнице никого не было. «Генерал!» – закричал Л., перегнувшись через перила. Переглянулись. Затем торопливо, неуклюже побежали вниз по безобразным ступеням. Оказались под мелким ночным дождем, посмотрели направо и налево, а потом – друг на друга.

Ее арестовали на следующее утро. Ни разу во время всего допроса она не поменяла позы сраженной горем невинности. Французская полиция продемонстрировала странное безразличие к подробностям дела и зацепкам, как будто считала исчезновение русских генералов любопытным национальным обычаем, восточным феноменом, чем-то вроде таинственного растворения, которое, возможно, и не должно случаться, но не может быть предотвращено. Однако складывалось впечатление, что Sûreté[3] знала о фокусе исчезновения больше, чем дипломатическая осторожность позволяла допустимым признать. Французские газеты обсуждали инцидент в благодушной, насмешливой и несколько будничной манере. На первые страницы l'affaire Slavka[4] не попало: русская эмиграция определенно находилась на периферии общественного внимания. По забавному совпадению как немецкие, так и советские информационные агентства лаконично утверждали, что два русских генерала сбежали с белогвардейской кассой.

7

Процесс оказался до странности неубедительным и путаным, свидетельские показания невразумительными, и судебный приговор, вынесенный Славске по обвинению в похищении человека, выглядел спорным с точки зрения юриспруденции. Случайные люди давали смехотворные показания. Имелся даже протокол, подписанный неким Гастоном Кулотом, фермером, «pour un arbre abattu».[5] Генералы Л. и Р. пострадали от сарказма садиста-адвоката. Парижский клошар (вот вам проходная роль), один из тех пунцовоносых, заросших существ, что хранят все свое земное имущество в поместительных карманах, обматывают ноги слоями топорщащихся газет, когда потерял последний носок, – их можно увидеть удобно рассевшимися с бутылкой вина меж расставленных колен под осыпающимся фасадом какого-нибудь вечно недостроенного здания, – преподнес омерзительный рассказ о старике, которого куда-то волокли у него на глазах. Две русские дамы (одна из них незадолго до того лечилась от острой истерии) утверждали, что в день преступления они видели Голубкова и Федченко, едущих в автомобиле Голубкова. Русский скрипач, сидя в вагоне-ресторане немецкого экспресса, – но бессмысленно пересказывать все эти нелепые свидетельства.

В нескольких последних эпизодах мы видим Славску в тюрьме – смиренно вяжущей в углу; пишущей госпоже Федченко забрызганные слезами письма, где говорится, что они теперь сестры, поскольку их мужья в плену у большевиков; просящей разрешения пользоваться помадой; рыдающей и молящейся в объятиях бледной русской монашки, явившейся к ней с рассказом о посетившем ее видении – доказательстве невинности генерала Голубкова. Требующей Евангелие, которое надзиратели оберегали от умельцев, быстренько наладивших шифрованную переписку на полях Евангелия от Иоанна. Вскоре после начала Второй мировой войны у нее обнаружилась непонятная болезнь, и когда однажды летним утром три немецких офицера заявили в тюремную больницу, пожелав увидеться с ней, им сказали, что она умерла, – возможно, так оно и было.

Интересно было бы знать, сумел Голубков известить ее о своем местонахождении или

Ассистент режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru счел более безопасным для себя бросить на произвол судьбы? Где он укрылся, незадачливый беглец? Гадания по зеркалам не заменят точного знания. Может быть, он нашел пристанище в Германии, получив там скромную канцелярскую работу на каких-нибудь Бэдекерских курсах юных шпионов? Или вернулся в те края, где в одиночку брал города? Или был вызван своим верховным начальством, кем бы оно ни оказалось, и извещен с легким грузинским акцентом и особой, бесцветной интонацией, всем нам так хорошо знакомой: «Боюсь, дарагой, вы нам больше не понадобится». И пока Икс идет к дверям, указательный палец товарища кукловода нажимает кнопку с краю бесстрастного письменного стола, – распахивается люк, и Икс проваливается в тартарары (слишком много знал). А может быть, ломая копчик, приземляется в гостиной пожилой супружеской четы, проживающей внизу.

Так или иначе, фильму конец. Вы помогаете своей девушке надеть пальто, присоединяетесь к медленному потоку зрителей, направляющихся к выходу. В запасных дверях зияют боковые бархатные клинья ночи, поглощая расходящиеся по домам ручейки. Если же, подобно мне, вы предпочитаете для удобства ориентации вернуться тем же путем, каким пришли, вы снова пройдете мимо афиши, казавшейся такой привлекательной два часа назад. Русский джигит в польской форме свешивается с игрушечной лошадки, чтобы подхватить красавицу в красных сапожках, ее черные волосы выбиваются из-под каракулевой шапки. Триумфальная арка соседствует с сумрачными звездами кремлевских башен. Иностранному агенту в монокле генерал Голубков передает папку секретных бумаг... Пошевеливайтесь, дети! Выйдем скорее отсюда на свежий воздух, в привычную суету знакомых улиц, в надежный мир с его веснушчатými мальчиками, девочками и духом товарищества. Здравствуй, реальность! Эта осязаемая сигарета поможет прийти в себя после искусственного возбуждения. Видите, худой, проворный господин, идущий перед нами, тоже закуривает, постучав сигаретой о старый кожаный портсигар.

1943

Примечания

1 Прекрасной дамой, но не безжалостной, а милосердной.

2 «Занесло тебя снегом, Россия...»

3 Уголовная полиция (фр.).

4 Дело Славски (фр.).

5 По поводу поваленного дерева (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!